

ВЗАИМОСВЯЗЬ НОСТАЛЬГИИ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ

Д.Н. Яшин

АНО ВО «Российский новый университет», г. Москва

В настоящей статье представлено теоретическое осмысление феномена ностальгии как комплексного психического состояния, возникновение которого обусловлено специфическими социокультурными условиями. Раскрыто психологическое содержание понятия ностальгии. Описаны методологические параллели между биографическим и психоаналитическим подходами к изучению ностальгического опыта. На примере эмпирического исследования, осуществлённого Х. Дикинсон и М. Эрбеном, посвящённого экспрессии ностальгических переживаний в автобиографических нарративах, раскрыто общее тематическое содержание, характерное для представителей единого культурно-исторического контекста. Намечены перспективные направления дальнейших междисциплинарных поисков: а) выявление культурно-исторических детерминант феномена ностальгии посредством тематического анализа текстов прошедших эпох; б) изучение взаимосвязи ностальгии, аффективно-эмоциональной сферы личности и нейропсихологических механизмов возникновения чувств удовольствия и сожаления.

Ключевые слова: *ностальгия, ностальгическое воспоминание, ностальгический нарратив, автобиографический нарратив, автобиографическое Я, социокультурный контекст, нарциссизм.*

Ностальгия представляет собой культурно-обусловленную эмоцию, включающую в себя позитивные и негативные оттенки [5]. Её переживание раскрывается в созерцании личностью прошлого опыта, представляющего для неё ценность, что рождает сложную аффективную смесь: осознание невозможности повторения данного опыта ведёт к чувству потери чего-то значимого, но в то же время возникает чувство «сожалеющего удовольствия». Х. Дикинсон и М. Эрбен называют ностальгию «горько-сладкой» эмоцией и считают, что отчасти она возникает благодаря произвольным усилиям личности, а также что она может выступать для неё предметом рефлексии [6].

Ввиду того, что ностальгия в значительной степени детерминируется культурным контекстом, исследователи-психологи обращаются к различным методологическим подходам в попытках выявить и описать универсальные механизмы возникновения и протекания данного психического состояния, общие для представителей любых культурных традиций.

© Яшин Д.Н., 2024

Цель теоретического исследования, представленного в данной статье, заключается в раскрытии и обосновании эпистемологической значимости применения биографического и психоаналитического подходов к решению указанной проблемы на примере эмпирических данных, полученных Х. Дикинсон и М. Эрбеном.

Согласно работам А. Дамасио, ностальгия относится ко вторичным эмоциям: их актуализация осуществляется за счёт *социокультурного фактора* [4]; первичные же эмоции, такие как страх или гнев, запускаются непосредственным воздействием стимулов внешней среды [3]. К. Шоу и М. Чейз пишут, что ностальгия имеет тесную взаимосвязь с концепциями *линейного времени* и *индустриально-секулярного общества*: последнему присущи такие тенденции, как ориентированность на будущее и постоянное социальное преобразование. Подобные условия часто создают на индивидуальном уровне переживание настоящего как эфемерно-мимолётного и дискомфортного: личность не успевает адаптироваться к новым условиям, что побуждает её обращаться к прошлому опыту, который переживается как понятный и потому – комфортный [17]. К примеру, люди, пробывшие в детстве в сельской местности и в дальнейшем перебравшиеся в город, в своих жизненных историях часто описывают самые ранние годы как период «невинности и счастья». Х. Дикинсон и М. Эрбен отмечают, что ностальгия является в большей степени *аффективным*, нежели когнитивным процессом: человек *переживает* прошлый опыт как приятный, но утерянный, независимо от того, насколько лучше или хуже были объективные условия его жизни в тот период в сравнении с настоящим. Учёные подчёркивают комплексность данной эмоции наряду с социальными и индивидуальными условиями, которые её обуславливают. Ядром ностальгии является оплакиваемое и принимаемое чувство потери [6].

Будучи *культурно-обусловленной* (вторичной) эмоцией, ностальгия, тем не менее, связана с такими базовыми (первичными) эмоциями, как горе и депрессия, которые, согласно классической психоаналитической теории, реактивно возникают при потере *значимого объекта*. Подобная оптика позволяет рассматривать ностальгию как альтернативную реакцию на потерю: в отличие от горя, она переживается как умеренно охватывающее сожаление по утраченному объекту, нежели как всепоглощающее чувство болезненной опустошённости [10]. Х. Дикинсон и М. Эрбен, ссылаясь на проведённое ими эмпирическое исследование, пишут, что в большинстве автобиографических нарративов испытуемых объектом ностальгии оказывается детство [6, с. 224]. Авторы объясняют данное обстоятельство с помощью концепции *нарциссической реакции* З. Фрейда: в случае, если личность застревает на одной из ранних стадий психосексуального развития, поле её объектов

любви остаётся ограниченным собственным Я и Я матери [11]. Это приводит к необходимости поиска объекта любви, похожего на своё Я или на материнское Я. В зависимости от типа нарциссической реакции личность может искать: а) то, чем она является в настоящем; б) то, чем она была в прошлом; в) то, чем она хотела бы стать; г) того, кто некогда был её частью. Варианты б) и г) отражают взаимосвязь нарциссизма с детством, идеализация которого прослеживается в автобиографических нарративах, посвящённых ностальгии.

В рамках упомянутого исследования Х. Дикинсон и М. Эрбен просили респондентов составить рассказ о пережитом ностальгическом опыте [6, с. 227]. Для обозначения формы полученных данных учёные используют термин *жизненные документы* К. Пламмера [15]. Они представляют собой *автобиографические рассказы*, предметно сфокусированные на той или иной теме. Методологические корни данного термина восходят к интерпретативной парадигме, активно применяемой в *биографических исследованиях* – подходе, единицей анализа которого выступает *жизненный нарратив* как способ создания смыслов посредством описания своего *уникального переживания себя-в-мире* [7]. Несмотря на то, что каждая личность по-своему описывает ностальгический опыт, совокупность жизненных нарративов, посвящённых теме ностальгии и составленных представителями однородной социальной группы, позволяет выявить общее понимание данного феномена, разделяемое носителями определённого культурного контекста. Так, Дж. Брунер считал, что любая автобиографическая форма, любое *рассказывание-о-себе* осуществляется в конкретных культурно-исторических условиях [2].

В автобиографических рассказах респондентов Х. Дикинсон и М. Эрбеном были обнаружены три значимые субтемы: 1) осознание перехода на новый жизненный этап и грядущих перемен; 2) расширение способности любить кого-либо или что-либо; 3) снятие напряжения (во фрейдистском понимании).

Первая субтема имеет два взаимосвязанных компонента: формирование способности к рефлексии и осознание деления единого жизненного пути на отдельные периоды времени [1]. Согласно Э. Дюркгейму, данные компоненты составляют основу нового вида сознания, формирующегося в личности в процессе перехода от *механической солидарности* к *органической* [8]. По мере того, как в ней развивается способность к рефлексии, она начинает рассматривать время не как механическую, цикличную смену дней, недель, месяцев; она осознаёт себя как находящуюся в потоке *исторического времени*, которому присущи качественные изменения, происходящие при переходе от одного этапа к другому. Становление органической солидарности объясняет смесь удовольствия и печали, обнаруживаемую

в ностальгических воспоминаниях. В определённый момент взросления личность начинает переживать время как разделённое на отдельные исторические периоды, а не как непрерывный событийный поток. Смешанные чувства, сопровождающие переход от нереплексивной растворённости в социальной среде (механической солидарности) к индивидуализации сознания (органической солидарности) лежит в основе возникновения ностальгии; этот переход встречается одновременно с радостью и сожалением. Почти в каждом автобиографическом рассказе присутствует воспоминание о неприятном событии, положившем конец беззаботному периоду и давшем начало новой, менее позитивной, жизненной главе. Х. Дикинсон и М. Эрбен предполагают, что возникновение *ностальгического воспоминания* наиболее вероятно в случае, если вместе с указанным неприятным событием произошло формирование рефлексивного сознания с вытекающим из этого восприятием времени как чередой исторических этапов [6, с. 232].

Вторая субтема имеет отношение к *значимым другим*, упомянутым в автобиографических рассказах. В большинстве случаев это были люди за пределами семейного круга, чаще всего – друзья детства, и повествование о них тесно переплеталось с субтемами времяпрепровождения на открытом воздухе (в сельской местности), свободы и приключений. Позитивные эмоции, полученные во взаимодействии со значимыми другими, способствовали формированию новых привязанностей. Как было отмечено выше, согласно З. Фрейду, при нормативном развитии детская любовь, изначально направляемая только на фигуру матери и на собственное Я, постепенно трансформируется во взрослую форму и начинает распространяться на широкий круг объектов [9, с. 207–219]. Данный процесс прослеживается в описании ностальгических воспоминаний; ранняя нарциссическая любовь ребёнка к собственному Я прорывается в автобиографических рассказах большинства респондентов. Так, двое мужчин, повествуя о детстве, в качестве значимых других упоминают мальчиков-ровесников, с которыми их связывала крепкая дружба. Этим мальчикам можно рассматривать как *альтернативные версии Я самих рассказчиков*, вызывающие нарциссическую любовь. Важность природной среды, весьма детально описываемой в рассказах, позволяет провести параллель с темами идеализированного ребёнка и сельского прошлого, которые, согласно работам К. Робсон, пронизывают искусство и литературу девятнадцатого века. Учёный делает акцент на *прошлости*, нежели на *сельскости*, и характеризует данную тенденцию как *троп, обращённый назад* [16]. Однако, как отмечают Х. Дикинсон и М. Эрбен, в автобиографических рассказах их респондентов, в отличие от художественной литературы, сельскость природной среды выступает в

качестве катализатора развития привязанностей, тем самым способствуя обращению повествования вперёд. В рассказах трёх испытуемых из семи времяпрепровождение в сельской местности связано с ростом степени независимости и возможности активно проявлять себя. Тематическая композиция «ребёнок в природной среде» может рассматриваться как *нарративная репрезентация нарциссического детского Я* [6, с. 235].

Третья субтема затрагивает напряжение, возникающее между чувством сожаления и припоминаемым удовольствием. Необходимость объяснения данного феномена побуждает вновь обратиться к З. Фрейду: он писал, что цель жизни детерминирована принципом удовольствия, который, сталкиваясь с условиями внешнего мира, создаёт противоречие; человеческое стремление к счастью не было заложено изначально. Периодически в жизни могут возникать ситуации, требующие высвобождения сдерживаемых потребностей в удовлетворении. Чувства, сопровождающие их, весьма непродолжительны, и могут иметь место лишь как эпизодические феномены. Ностальгия относится к их числу и, наряду с чувством веселья, сопровождающим юмористические ситуации, способствует свободному течению удовольствия и позволяет ненадолго отвлечься от серьёзности ограничивающей реальности [9]. Психическое возвращение в настоящее после погружения в ностальгическое воспоминание и последующее осознание невозможности возвращения ушедшего времени ведут к сначала к разрядке, а потом почти сразу – к возрастанию напряжения. Согласно фрейдистской теории, данное состояние управляется *Сверх-Я* и при ненормальных условиях может стать патологическим. Так, Ж. Старобинский писал, что в прошлом ностальгию категориально причисляли к заболеваниям [19]. Напряжение чаще всего является результатом внутреннего конфликта между желаемым и должным (или ожидаемым). В автобиографических рассказах респондентов чувства сожаления и удовольствия возникали при воспоминании о беззаботном времени, в котором не было никаких обязательств и понятия «надо». То время не было безнравственным и совершенно свободным от категорий морали; речь идёт о том, что в ностальгических воспоминаниях межличностные отношения предстают предельно гармоничными и лишёнными каких-либо проблем.

Несмотря на то, что ностальгический нарратив каждого отдельно взятого респондента индивидуален и отражает уникальное переживание, совокупность таких нарративов позволяет составить общее представление о феномене ностальгии, разделяемое носителями широкого социокультурного контекста, который разворачивается в определённый исторический период. Это позволяет дополнить наше понимание о динамике когнитивного и аффективного развития Я-концепции личности. Будучи эксплицитно выражены в нарративной форме, ностальгические воспоминания расширяют *общекультурный*

запас эмоциональных знаний, обращение к которому позволяет: а) составлять индивидуальное мнение о том, какой опыт является нормативным, то есть распространённым среди большинства носителей данного социокультурного контекста; б) эмпатически понимать опыт друг друга посредством рассказывания о нём; в) проследивать динамическое становление образов Я других людей и через соотнесение с ними дополнять собственную Я-концепцию; г) вырабатывать *нравственные принципы* через осознание того, какие *ценности* являются благом в данном социокультурном контексте. На примере автобиографических рассказов респондентов можно увидеть, что эмоционально непростой переход от беззаботного детства к «обязывающей» взрослости является нормативным, так как присущ большинству, и показывает, что формирование моральной категории должностования является критерием достижения определённого этапа личностного развития в данных культурных условиях. Эти размышления переключаются с работами философов морали и учёных из области гуманитарных наук, которые пишут о взаимосвязи индивидуального понимания категорий этики и нарративного опыта [14].

Рассказы респондентов являются примерами нарративов повседневной жизни, в которых представлены не пиковые или экстремальные переживания; в них содержится широкий аффективный диапазон: от спокойных, тёплых чувств, сопровождающих воспоминания о беспечных прогулках на природе в детстве, до интенсивных негативных чувств, следующих за вступлением во взрослый период. Х. Дикинсон и М. Эрбен отмечают, что интенсивные переживания далеко не всегда возникают только в ситуациях травмы; большинство межличностных взаимодействий происходит в повседневности [6, с. 238], что в целом характерно для современного общества [18]. В ностальгических воспоминаниях респондентов детские межличностные отношения предстают непосредственными, наивными, простодушными. Учёные обращают внимание на *транспозиционную двойственность*, возникающую между *взрослым Я* и *детским (дорефлексивным) Я*; она позволяет говорить о ностальгии как о переживании, сопровождающем попытку удержать внутри себя образ места, которое одновременно является и убежищем, и домом, из которого личность была изгнана. Хотя ностальгические воспоминания и сопровождаются чувством сожаления о потерянном дорефлексивном прошлом, их произвольное извлечение из глубин памяти и помещение в область осознаваемого позволяет личности понять, что зрелым взаимоотношениям, как и жизни в целом, присуща сложная смесь чувств надежды и сожаления. Содержание каждого ностальгического нарратива доступно всем респондентам; иными словами, выражаясь в терминах Ю. Хабермаса, во всех указанных нарративах присутствует *дорефлексивная солидарность жизненного*

мира. Более того, двойственность эмоционального аспекта ностальгии предполагает, что ценность автономного существования раскрывается для личности в осознании взаимозависимости с другими. Из этого следует, что индивидуальный ностальгический опыт может быть как *личным переживанием*, так и *формой социального научения* [12].

Ностальгический опыт также служит индикатором моральных условий и возникает в ситуациях одобрения окружающих. Само по себе описание ностальгических воспоминаний не является моральным анализом, однако наша рефлексия о них позволяет увидеть, что, хотя прошлое и невозможно вернуть, мы можем разглядеть в нём то, что с позиции настоящего можно оценить как хорошее и правильное. К примеру, в современных условиях постоянного цейтнота возможность ненадолго отвлечься от обязанностей и хотя бы ненадолго вызвать те приятные чувства беззаботности и свободы, которые были в детстве, очевидно, видится нам как что-то хорошее и приятное.

Как уже было сказано ранее, Х. Дикинсон и М. Эрбен считают, что фигуры других в ностальгических нарративах являются альтернативными версиями Я рассказчика [6, с. 239–240]. Даже если в некоторых случаях это является истинным, это оказывается потенциально полезным для автора только в личностно-рефлексивном плане. Однако не следует упускать из виду межличностный аспект: обмен опытом (в том числе ностальгическим) через рассказывание эмоционально насыщенных историй позволяет нам достигать подлинно интимного взаимодействия друг с другом и выстраивать гармоничные отношения и реалистичные образы друг друга. В этом смысле можно выделить категорию *межличностного Я*; оно являет себя в момент припоминания ностальгического события и, согласно Ч. Тейлору, вызывает чувство *взаимосоединённости* с другими, а также служит средством восстановления утерянных резонанса, глубины и богатства человеческих отношений, что характерно для современного общества [20]. Для каждого из респондентов ностальгическое припоминание приобретает автобиографическую форму, несущую в себе *коммунитарную* и *эпистемическую* выгоду. Иными словами, ностальгические нарративы заполняют культурное пространство, посредством которого общество оказывает формирующее влияние на Я-концепции его представителей.

Припоминание событий, вызывающих ностальгию, развивает умение опосредованно рефлексировать через создание автобиографического нарратива. Ностальгические нарративы вносят существенный вклад в анализ Я-концепции. Распространённость ностальгических воспоминаний в современном обществе обусловлена не столько банальным желанием вернуть лучшие дни, сколько малым количеством предлагаемых культурой смысловых систем. Рассказывание

о ностальгических событиях *интегрирует* прошлое и настоящее личности, тем самым укрепляя *целостность её Я* [13]. Возможно, со временем ностальгический опыт приведёт к становлению автономного автобиографического жанра. Дж. Брунер писал, что наиболее важное исследование психологической науки должно быть посвящено развитию *автобиографического метода*: мы должны понять, каким образом качественно меняются рассказываемые нами истории о самих себе, и как они влияют на выбор жизненного пути [2, с. 14–18].

Таким образом, взаимосвязь ностальгии и автобиографического Я требует дальнейших исследований на историческом, концептуальном и эмпирическом уровнях. Немаловажным видится филологическое направление поисков: упомянутые в данной статье темы идеализированного ребёнка и сельского прошлого, обнаруживаемые в литературе девятнадцатого века, побуждают к выявлению сопутствующих тем в источниках других исторических периодов. Возможно, это позволит пролить свет на ностальгию как на социокультурный феномен, и поможет осмыслить её место через более широкую, антропологическую, оптику. Отдельный интерес представляет исследование взаимосвязи аффективно-эмоциональной сферы личности, эпизодической памяти и данных нейронаук: это может углубить понимание сложной смеси чувств удовольствия и сожаления, возникающей в ностальгическом опыте.

Список литературы

1. Brockmeier J. Autobiographical time // *Narrative Inquiry*. 2000. № 10. P. 51–73.
2. Bruner J. Life as narrative // *Social Research*. 1987. № 54. P. 12–32.
3. Damasio A. *Descartes' Error: Emotion, Reason, and the Human Brain*. 2005. Penguin Books. 336 p.
4. Damasio A. *Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain*. 2003. Harvest. 368 p.
5. Daniels E. Nostalgia and hidden meaning // *American Imago*. 1985. № 42. P. 371–383.
6. Dickinson H., Erben M. Nostalgia and Autobiography: The Past in the Present // *Auto/Biography*. 2006. № 14. P. 223–244.
7. Dollard J. *Criteria for the Life History*. 1935. Yale University Press. 288 p.
8. Durkheim E. *The Division of Labour in Society*. 2013. Palgrave. 428 p.
9. Freud S. *Jokes and Their Relation to the Unconscious (Complete Psychological Works of Sigmund Freud)*. 1990. W.W. Norton & Company. 368 p.
10. Freud S. *Mourning and Melancholia* // In Book: *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume 14*. 1975. The Hogarth Press. 496 p.
11. Freud S. *On Narcissism: An Introduction*. 2014. Read & Co. Great Essays. 48 p.
12. Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*. 1993. Polity. 248 p.

13. Kelly M., Dickinson H. The narrative self in autobiographical accounts of Illness // *Sociological Review*. 1997. № 45. P. 254–278.
14. MacIntyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*, Second Edition. 1984. University of Notre Dame Press. 304 p.
15. Plummer K. *Documents of Life 2: An Invitation to a Critical Humanism*. 2001. SAGE Publications Ltd. 320 p.
16. Robson C. *Men on Wonderland: The Lost Girlhood of the Victorian Gentleman*. 2003. Princeton University Press. 264 p.
17. Shaw C., Chase M. The dimensions of nostalgia // In Book: *The Imagined Past: History and Nostalgia*. 1989. Manchester University Press. 208 p.
18. Sparkes A., Smith B. Men, sport, spinal cord injury and narrative time // *Qualitative Research*. 2003. № 3. P. 295–320.
19. Starobinski J. The idea of nostalgia // *Diogenes*. 1966. № 54. P. 81–103.
20. Taylor C. *Sources of the Self: The Making of the Modern Identity*. 1992. Harvard University Press. 624 p.

Об авторе:

ЯШИИН Даниил Николаевич – аспирант АНО ВО «Российский новый университет» (105005, г. Москва, ул. Радио, д. 22), e-mail: gyhldas@mail.ru

THE RELATIONSHIP OF NOSTALGIA AND AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES

D.N. Iashin

Russian New University, Moscow

This article presents a theoretical understanding of the phenomenon of nostalgia as a complex mental state, the emergence of which is determined by specific sociocultural conditions. The psychological content of the concept of nostalgia is revealed. Methodological parallels between biographical and psychoanalytic approaches to the study of nostalgic experience are described. Using the example of an empirical study devoted to the expression of nostalgic experiences in autobiographical narratives, the general thematic content characteristic of representatives of a single cultural and historical context is revealed. Promising directions for further interdisciplinary research are outlined.

Keywords: *nostalgia, nostalgic memory, nostalgic narrative, autobiographical narrative, autobiographical self, sociocultural context, narcissism.*

Принято в редакцию: 20.03.2024 г.
Подписано в печать: 20.05.2024.